

Китай на пути к «сверхдержаве»: сколько осталось пройти?

Сергей Лузянин,
Михаил Мамонов

Китай в мировой геополитике. От идей Дэн Сяопина до концепции «двух преодолений» Ху Цзиньтао

Как совместить в китайской глобальной политике традиционные элементы «развивающегося государства» и «скромности» с мощным усилением влияния страны в мире? Эту дилемму предстоит решать новым лидерам Китая, когда после 2012 г. к власти придёт пятое поколение китайских руководителей.

По ряду политических и экономических причин Китай упорно сохраняет статус «развивающегося государства», что вызывает либо раздражение, либо подозрение относительно его глобальных планов. Китайские руководители и эксперты ссылаются на низкий уровень ВВП на душу населения

(127-е место в мире) по сравнению с другими (развитыми) странами, что дает им основание говорить о подобном статусе еще на длительное время (50–100 лет).

Китай дистанцируется от предложений США и других мировых держав поделить мир по той или иной схеме, отстаивая идею создания гармоничного мира и развития. Он остается сторонником активного использования экономических результатов глобализации и региональной интеграции, но при этом выступает против любой политико-идеологической (либеральной) глобализации. При этом Китай принципиально и последовательно «уклоня-

ЛУЗЯНИН Сергей Геннадьевич – заместитель директора Института Дальнего Востока РАН, доктор исторических наук, профессор, президент Фонда востоковедческих исследований. *E-mail:* lousianin@ifes-ras.ru

МАМОНОВ Михаил Викторович – начальник отдела международной деятельности и молодежных обменов Федерального агентства по делам молодежи РФ, с. н. с. Института Дальнего Востока РАН. *E-mail:* mamonov2004@yandex.ru

Ключевые слова: Китай, геополитика, США, конфликтность, Восточная Азия, регионы, БРИКС.

ется от объятий других государств», избегая любых форм союзнических отношений.

Современное поколение – председатель КНР Ху Цзиньтао и его команда и будущее – его преемник Си Цзиньпин и его команда, видимо, пока не имеют законченной концепции Китая как сверхдержавы XXI в.

В китайской геополитике присутствуют два компонента, которые находятся в противоречии. С одной стороны, сохраняется традиционная политика «не присоединяться», «не высовываться», «проявлять сдержанность и скромность». Это по-прежнему все еще созвучно идеям великого реформатора Китая Дэн Сяопина «хладнокровно наблюдать, укреплять свои позиции, уверенно реагировать на изменения, скрывать свои возможности и выигрывать время, научиться не привлекать к себе внимания, никогда не становиться лидером и вносить свой вклад»¹.

Однако, даже не поддавшись соблазну теорий «глобальной гегемонии КНР», нельзя не признать: выход КНР на лидерские позиции в современном мире, похоже, уже свершившийся факт – постепенно меняется само качество внешней политики Китая. Похоже, Ху Цзиньтао уже задает параметры внешнеполитического дискурса «пятого поколения» китайских лидеров, а существенная часть этих выступлений составит основу «международного» раздела материалов XVIII съезда КНР, который пройдет в 2012 г. В обобщенном виде взгляды руководства на современную международную ситуацию отражены в программной статье партийного журнала «Ляован» под названием «Пять инициатив Китая, содержащихся во взглядах Ху Цзиньтао на современную эпоху». Она состоит, по сути, из пяти «теорий», сформулированных в разное время Ху Цзиньтао:

– «теории глубинных изменений в международной ситуации»;

– «теории гармоничного мира»;

– «теории совместного развития»;

– «теории совместной ответственности»;

– «теории активного участия».

При некотором анализе все они достаточно гармонично связываются в единую концепцию – которую вполне «по-китайски» можно было бы назвать «концепцией двух преодолений».

Первое и важнейшее для Китая – это преодоление регионализма его внешней политики.

За последнее десятилетие произошло стремительное расширение географии национальных интересов Китая – внешнеполитическая и внешнеэкономическая стратегия Пекина получила глобальное измерение. Но разрасталась не только география внешней политики страны: на повестку дня в Китае вышли темы общемирового звучания:

– борьба с мировым финансовым кризисом;

– противодействие нетрадиционным вызовам и угрозам;

– экологические проблемы;

– энергобезопасность;

– проблемы новых заболеваний;

– пиратство в весьма отдаленных от территории страны регионах.

Эти новые компоненты национальной внешней политики были названы министром иностранных дел КНР Яном Цзеци «функциональной дипломатией», значимость которой, по его словам, будет в дальнейшем только возрастать². Следствием этого стала реальная активизация усилий Китая в сфере многосторонней дипломатии, включая формулирование повестки дня и создание новых механизмов и институтов.

Лидеры КНР признали, что «будущая судьба современного Китая с каждым днем все теснее связана с буду-

щей судьбой мира» и согласились, пусть и с оговорками, с принципом «совместной ответственности» государств мира за его судьбу.

В политико-психологической плоскости налицо преодоление Китаем «комплекса развивающегося государства» – иллюстрацией этому является сформулированная Ху Цзиньтао «теория активного участия», согласно которой «необходимо свести воедино цели отстаивания независимости и суверенитета и цели участия в экономической глобализации, проводить единое планирование внешней и внутренней политики». При этом, по всей видимости, в некоторой перспективе следует ожидать еще одного «преодоления» с идейно-теоретической точки зрения – революционного: преодоления максим Дэн Сяопина. Так, в некоторых официальных партийных текстах, интерпретирующих базовые принципы патриарха китайских реформ, уже сейчас говорится о том, что Китай должен «в долгосрочной перспективе придерживаться принципа „скрывать свои возможности, выигрывая время“ и активно и инициативно делать конкретные дела»³. Совершенно очевидно, что такая расстановка акцентов – отнюдь не случайна и в средне- и долгосрочной перспективе будет иметь для внешней политики Китая далеко идущие последствия, ибо может существенно трансформировать повестку дня и саму идеологию внешней политики Китая.

Энергетика успешных реформ заметно влияет на менталитет китайской нации и ее руководства. Китай становится наступательным, динамичным, активным государством.

С начала 2000-х годов в Пекине активно заговорили о необходимости «формирования психологии великой державы»⁴. С середины 2000-х годов в Китае все чаще начинают упоминать

концепцию «периода стратегических возможностей».

Так, еще в ноябре 2002 г. Цзян Цзэминь, выступая с докладом на XVI съезде Компартии Китая, подчеркивал: «...первые 20 лет XXI века – это для нас период великих стратегических шансов, за которые необходимо крепко ухватиться и которые дают возможность многое сделать»⁵.

И действительно, в первые 5 лет нового века КНР добилась впечатляющих успехов в экономическом строительстве⁶, что позволило председателю КНР Ху Цзиньтао в своем докладе на XVII съезде Коммунистической партии Китая уверенно поставить цель «увеличить к 2020 году среднедушевой валовой внутренний продукт вчетверо против 2000 года», ранее озвучивавшуюся только неформально.

Наряду с повышением экономического веса Китая весьма стремительно укреплялись и его международные позиции.

Китай продолжает развивать стратегический и экономический диалог с США. Вместе с Россией и другими странами Центральной Азии Китай создал Шанхайскую организацию сотрудничества, участвует в международном миротворчестве под эгидой ООН, выстраивает систему интеграционных зон свободной торговли в своем ближнем и дальнем зарубежье.

Как уже было сказано выше, Китай позиционирует себя как держава, которая наравне с другими лидерами несет свою долю международной ответственности. При этом, понимание ответственности у Китая, вопреки чаяниям отдельных западных аналитиков и политических деятелей, принципиально свое.

«Китай, прежде всего, несет ответственность за 1,3 млрд китайского народа и одновременно за народы всего мира, за мир и раз-

вие во всем мире», – подчеркнул в своей недавней статье член Госсовета КНР Дай Бинго⁷.

В Пекине также делают акцент на том, что расширение ответственности не может быть без расширения прав и способности Китая формировать облик современного мира.

Очевидно, что, кроме второй позиции в мире (после США) по совокупному ВВП, для уровня сверхдержавы Китай должен иметь сопоставимые результаты и по другим ключевым параметрам: военно-стратегическим (сравнимые с США и Россией), инновационно-технологическим (сравнимые с США, Японией, ЕС), социальным (сравнимые с Японией, отдельными странами ЕС, США). Ясно, что для КНР неприемлема американская модель сверхдержавы. В КНР предпочитают строить «свою», которая будет качественно отличаться от классических вариантов – не только американского, но и советского.

Среди главных плюсов китайской модели – жесткая централизация системы, высокие мобилизационные возможности, результаты реформ в экономике, включая самые большие валютные резервы.

Парадоксальным образом, мировой финансовый кризис значительно ускорил процесс «мирного развития» Пекина, которое, по замыслу китайских стратегов, должно было стать последовательным и эволюционным – ни мир, ни сам Китай просто не успели приспособиться к столь стремительным подвижкам в «глобальной архитектонике». Другим парадоксом стало то, что пока в Китае учились встраиваться в существующие международные механизмы, сами эти механизмы подверглись эрозии в такой степени, что задача и ответственность Китая теперь

в том, чтобы участвовать в их реанимации и адаптации к современным условиям, то есть международная ситуация требует от Пекина принятия на себя роли лидера в разворачивающихся мирополитических процессах.

В Китае осознают расширение своего лидерского потенциала и стремятся сделать его реализацию максимально полезной и безболезненной для международного сообщества – именно поэтому Китай использует своеобразную тактику «заполнения лагун»: он оказывается наиболее активен в тех сферах, где еще не сформировались четкие и устойчивые механизмы международного взаимодействия, остро реагирующие на появление новых игроков (наиболее яркий пример – экологическая тематика), или же стремится перевести переговоры на новые площадки, которые либо создавались с его участием (ШОС, БРИК), либо невозможны без него (АТЭС, «группа двадцати»). Этот же принцип применим и к расширению географии внешнеполитических интересов Китая – он наращивает свое присутствие там, где отсутствует или ослабевает роль других великих держав (Африка, Южная и Центральная Америка, Центральная Азия), избегая прямого столкновения интересов.

Однако все усилия Пекина по «амортизации» процесса превращения Китая в одну из ключевых мировых держав могут иметь лишь ограниченный эффект.

За последнее десятилетие КНР удалось окончательно разрешить для себя проблему самоидентификации – в самоопределении «ответственная великая развивающаяся держава» ключевыми словами являются «великая держава». Более того, выступая на международной арене поборником прав развивающихся государств, Китай все

чаще начинает конкурировать с этими же государствами на их внутренних рынках и превращать эти страны из партнеров в объекты своей внешней политики. По мере дальнейшего расширения национальных интересов Китая они неизбежно будут вступать в противоречие (или – в лучшем случае, в конкуренцию) с интересами других игроков, региональных и глобальных.

Контуры этих противоречий становятся видны уже сегодня. Это и набирающая обороты космическая программа Китая, особенно заметная на фоне сворачивания аналогичных программ в России и США, и активизация Китая на зарубежных рынках вооружений.

Еще один парадокс – стремительно растущий интерес Китая к освоению Арктики. Нарастание этих противоречий, как и подозрений международного сообщества в отношении намерений Пекина, руководством стали открыто признаваться.

Так, президент влиятельного Института современных международных отношений Китая Цуй Лижу отмечает: «В последние десять лет Китай развивался из относительно слабой позиции в позицию относительно сильную, и конфликты между Китаем и миром не были особенно сильными. Однако в будущие десять лет Китай будет развиваться из относительно сильной позиции в позицию еще более сильную. Влияние Китая на мир будет увеличиваться, и беспокойство мира относительно Китая возрастет»⁸.

Именно поэтому в последние несколько лет в Китае такое значение стали придавать развитию «мягкой силы» как одному из ключевых инструментов внешней политики Китая.

В своем выступлении на XI совещании послов и дипломатических представителей Китая за рубежом (июль 2009 г.) Председатель КНР Ху Цзиньтао сделал особый акцент на необхо-

димости развития «мягкой силы», назвав «четыре силы» современной китайской дипломатии: «прилагать усилия для повышения политического влияния Китая, усиливать его экономическую конкурентоспособность, развивать привлекательность образа Китая и моральную притягательность его решений»⁹.

Главный смысл использования «мягкой силы» китайской дипломатией состоит не в том, чтобы убедить мир в моральном превосходстве «китайского пути развития» и универсальности предлагаемых КНР решений, а в том, чтобы, насколько это возможно, примирить международное сообщество с неизбежным фактом возвышения Китая, а вернее с тем, что его внешнеполитический потенциал будет в ближайшее время приведен руководством КНР в соответствие с продолжающимися крепнуть экономическими возможностями страны. Перестройка глобальной системы международных отношений, которая явно назревает, невозможна без участия Китая. Как в эпоху биполярного мира невозможно было представить решение любого крупного международного вопроса без прямого или косвенного влияния СССР, так и сегодня невозможно игнорировать КНР при решении ключевых международных проблем.

При этом сам Пекин оказывается в весьма удобном для себя положении: осуществляемый КНР на международной арене курс можно было бы назвать «стратегией контролируемой или избирательной глобальной вовлеченности», суть которой – в том, что Китай, обладая на сегодняшний день уже глобальным спектром внешнеполитических интересов, но ограниченными внешнеполитическими ресурсами, концентрирует силы лишь на приоритетных для него направлениях и вопросах, воздерживаясь от их распыления. Таким образом, Китай, в зависимости

от проблемы или ситуации, выбирает, в каком качестве ему выступать – глобальной державы (все чаще), регионального лидера, или (уже достаточно редко) развивающегося государства.

Подобный контроль над собственными внешнеполитическими новаци-

ями обеспечивает Китаю максимально широкое поле для дипломатического маневра, а сама технология «саморегулируемого лидерства» весьма интересна и может быть использована многими мировыми державами, включая Россию.

КНР – США. Новые версии постбиполярного мира с китайским и американским участием

Современная модель китайско-американских отношений формировалась в последние 30 лет на фоне роста Китая и относительного ослабления США.

Учитывая геополитические и региональные амбиции каждой из сторон, сегодня можно говорить, что успех или неуспех их развития во многом определяет будущую экономическую и политическую стабильность в мире. В структуре связей двух мега-держав, фактически, формируется новая постбиполярная повестка мира. Однако какой характер она будет иметь, и в каком направлении – взаимозависимость или конфликтность – будут развиваться двусторонние отношения, прогнозировать достаточно сложно. Потенциально данная модель содержит оба направления. Что возобладает – принципиальный вопрос, ответ на который интересует не только США и КНР, но и десятки стран прямо или косвенно связанных с обеими державами.

Взаимозависимость. В 2010 г. объем торговли Китая с США составил более 300 млрд долл. при постоянно растущем и значительном сальдо в пользу КНР.

Американский рынок поглощает около 20 % всего китайского экспорта. США являются основными потребителями китайской электроники, черных металлов, продукции машиностроения, одежды. Китай активно покупает финансовые казначейские облигации (1,1 трлн долл.).

Одновременно специально созданный в США китайский фонд *China Investment Corporation (CIC)* приобрел значительные доли в 63-х ведущих американских корпорациях.

При снижении ВВП в США на 1 %, китайский экспорт на американский рынок падает на 4–5 %.

В рамках визита Председателя КНР Ху Цзиньтао в США была заключена невиданная коммерческая сделка компании «Боинг» с китайскими представителями на сумму 45 млрд долл¹⁰.

Пекину явно импонируют заявления Вашингтона о приоритетной важности американо-китайских отношений (Б. Обама). Отдельные настроения в пользу дальнейшего сближения с США имеются в кругах молодой китайской интеллектуальной элиты.

Так, молодые авторы из Нанкинского университета Хуан Хэ и Чжу Ши еще в 2008 г. опубликовали в авторитетном общественно-политическом издании «Современные международные отношения» статью с броским названием «О возможности „совместного господства“ Китая и США», в которой указали на желательность и потенциальную привлекательность идеи «совместного мирового доминирования». Исследователи делают вывод о том, что в условиях постепенного сокращения своей политико-экономической мощи США, до недавнего времени выступавшие таким гегемоном, будут остро нуждаться в поддержке со стороны ведущих государств-

партнеров. Китай, таким образом, сможет «помочь» США, разделив с ними ответственность за мировой порядок.

«Будущая мировая стабильность требует „совместного господства“ Китая и США. Благо сотрудничества двух сильных состоит в прочной стабильности. Ведь у сильных стран, способных поддерживать сотрудничество, мощь сохраняет устойчивое равновесие, и поэтому сравнительно мала вероятность того, чтобы у двух сотрудничающих в защите мирового порядка государств мощь одновременно находилась в цикле упадка»¹¹.

В самих США сложилась отработанная система лоббирования китайских экономических интересов, имеющая мощные политические и финансовые институты, поддерживаемая высшим китайским руководством.

Схема эта выглядит примерно так: посольство КНР – торговый совет и американские общественные организации – лоббистские фирмы.

Фактически все крупные американские корпорации, которые допущены на китайский рынок, являются крупными лоббистами Китая, включая «Боинг», «Сити групп», «Кокакола» и др.

Однако в данной тенденции (росте взаимозависимости) просматриваются альтернативные стратегии.

Китай пытается максимально использовать американские ресурсы для перехода на новую экономическую (инновационную) модель, не завязанную столь явно на экспорте и внешних рынках, как нынешняя, а построенную на принципе эксплуатации стремительно растущего внутреннего спроса. США же пытаются через растущую взаимозависимость встроить китайскую экономику в мировую либеральную модель, интегрируя китайские фондовые и иные рынки.

Полная либерализация китайской валюты (юаня) в американском вариан-

те позволила бы Вашингтону убыстричь этот процесс. При этом Пекин, несмотря на давление Вашингтона, упорствует и, признавая эвентуальную необходимость превращения юаня в конвертируемую валюту, намерен контролировать темпы этого процесса в соответствии со своими внутренними установками.

Конфликтность. Нельзя обойти вниманием и второй тренд китайско-американских отношений – конфликтность.

В целом, несмотря на рост экономической мотивации, КНР продолжает рассматривать США как основного политического конкурента на геополитическом и региональном (АТР) уровне. Аналогичное ощущение относительно Китая имеют и США. Американская «ловушка» – G-2 – по вовлечению КНР в «управление миром», но с разделением ответственности на проблемных территориях, возникших, в том числе, и по вине американского руководства, не сработала.

Китай последовательно воздерживается от обсуждения с США вопросов «совместного лидерства» и более чем холодно отнесся к идее ряда именитых американских исследователей о появлении «большой двойки». По-прежнему называя отношения с Соединенными Штатами самыми важными из своих двусторонних отношений, Китай уклоняется от американских объятий – в них он видит, в первую очередь, попытку укрепить фундамент американского глобального лидерства и обеспечить безопасность своих финансово-экономических интересов.

С учетом общего объема золотовалютных резервов КНР, которые, по данным Центробанка КНР, составляли на апрель 2009 г. 1,9537 трлн долл. США – 2/3 средств из них приблизительно хранится в американских ценных бумагах.

Как отмечает Ван Юйшэн, исполнительный директор Центра стратегических исследований Фонда международных исследований Китая, «во-первых, США признают, что уже не в состоянии в одиночку решать крупнейшие международные вопросы, а старые союзнические отношения оказываются уже не столь эффективны. Соединенным Штатам необходим поиск новых партнерских отношений».

Во-вторых, американская сторона в целом признала или приняла объективный факт стремительного возвышения КНР.

В-третьих, в США понимают, что более высокий уровень отношений Китая и США выгоден для Вашингтона, особенно в части, касающейся ликвидации последствий финансового кризиса¹².

Агентство «Синьхуа» отметило: «Американские ученые и политики, впервые столкнувшись со столь невероятно глубоким кризисом, „чувствуя всю серьезность болезни, поднимают на уши всю больницу“, надеются под предлогом необходимости взять на себя большую международную ответственность заставить Китай помочь Соединенным Штатам в самый тяжелый момент кризиса» и превратить Китай в одну из опор американского глобального лидерства, в одну из спиц в американской системе «обода и спиц», с помощью которой они устанавливают свое господство в мире¹³.

Между двумя государствами продолжают сохраняться напряженность и взаимное недоверие. Традиционные темы – прав человека в Китае, отсутствие политических реформ в КНР, ситуация в Тибете, Синьцзяне, тайваньском проливе и другие вопросы – остаются в повестке китайско-американских противоречий.

Кроме экономики, взрывоопасным «минным полем» остается военное сотрудничество двух стран.

Американские поставки вооружений на Тайвань – давняя проблема для Китая. Однако в настоящее время, после подписания и ратификации российско-американского СНВ-2, появились новые акценты.

Американское же руководство постоянно зондирует в Пекине почву по

поводу возможности обсуждения военно-стратегических вопросов, пытаясь втянуть китайских военных в диалог о стратегическом ядерном оружии. Китайская сторона в таком диалоге участвовать не хочет.

На сегодняшний день Китай стремится к ядерной модернизации и наращиванию производства собственного ядерного оружия и отнюдь не склонен присоединяться к российско-американской разоруженческой инициативе. Это достаточно недвусмысленно дал понять лидер КНР Ху Цзиньтао, выступая в Вашингтоне на саммите по ядерной безопасности (апрель 2010 г.). Он подчеркнул, что «МАГАТЭ, а не отдельное государство или группа западных стран, должно играть руководящую роль в вопросах ядерной безопасности», а также указал на потребности Китая в развитии мирного атома, несмотря на расхождение позиций с Соединенными Штатами Америки.

Таким образом, стратегическая тема – уязвимое место Китая в его отношениях с США. В случае радикального обострения тайваньского или другого вопроса, затрагивающего интересы Америки, она может использовать свое преимущество.

Политический арсенал США для «сдерживания» Китая также остается достаточно широким. Фактически КНР окружена с юга и юго-востока союзниками США – Японией, Южной Кореей, Тайванем, частью стран АСЕАН. На западной границе находится давний соперник Индия, у которой имеется территориальный спор с Китаем и неплохие (стратегические, партнерские) отношения с США. Китай, как уже упоминалось выше, в отличие от США военно-политических союзников (за исключением КНДР), не имеет. Полностью безопасной для КНР остается китайско-российская граница на севе-

ре и ее границы с государствами Центральной Азии (Казахстаном, Таджикистаном и Киргизстаном).

США пытаются испортить имидж Китая в мировом сообществе, периодически вбрасывая тезис о «грядущей мировой китайской экспансии». Эта идея находит своих сторонников и в Европе (ЕС), и на других континентах. В каком-то смысле можно констатировать то, что двусторонние китайско-американские отношения сегодня плавно трансформируются в идеологическую борьбу «американского» и «китайского мира». Кто выйдет из этой схватки победителем, за кем будущее – открытый вопрос. США не собираются сдавать своих позиций и в Китае это прекрасно понимают. Отдельные экстравагантные аналитики, в основном, из

числа военных специалистов напрямую призывают Китай приложить усилия и заместить США в качестве «глобальной державы номер один»¹⁴. Такого рода высказывания на руку алармистам Запада, но, как представляется, едва ли отражают намерения Пекина.

Суммируя высказывания экспертов, остается ощущение доминирования конфликтности в отношениях двух стран. Это не означает, что обе державы будут искать повод и обязательно вступят в открытый военный конфликт. Но это может означать, что взаимное недоверие и зоны столкновения интересов (политических, военных, валютно-финансовых и др.) будут постоянно расширяться, что рано или поздно изменит картину мира.

Китай – Восточная Азия. Региональные измерения

В Северо-Восточную Азию (СВА), как известно, входят КНР, Япония, две Кореи (КНДР, РК) и Монголия. С юга регион «подпирают» 10 стран АСЕАН, каждая из которых имеет «свои», порой непростые отношения с Китаем. Общим для восточно-азиатского пространства является наличие нерешенных военно-политических, экономических, территориальных и экологических вопросов, а также больших возможностей, которые так или иначе связывают с КНР. С севера регион стыкуется с Россией (через Сибирь и российский Дальний Восток), которая испытывает на себе весь спектр вызовов и возможностей.

Проблемы. В Восточной Азии сохраняется старая система безопасности, которая сложилась в годы холодной войны, полностью завязана на США и отвечает только их интересам. Двусторонние договоры о безопасности и обороне с Японией, Южной Кореей,

Филиппинами и другими странами позволяют американцам иметь военные базы по всему южному и юго-восточному периметрам китайской границы, стратегически окружая Китай, который не имеет подобной системы безопасности. При этом, косвенно признавая стабилизирующую роль военно-политического присутствия США в регионе, в Пекине работают над альтернативными проектами, а известный китайский аналитик Ян Сюэтун в своей достаточно провокационной статье открыто заявляет о возможности «сделать среднесрочной стратегической целью военного строительства КНР предоставление гарантий безопасности соседним государствам»¹⁵.

Одновременно нерешенность северокорейской ядерной проблемы в целом обостряет ситуацию в Северо-Восточной Азии, достигающей иногда стадии открытого балансирования на грани войны и мира между двумя ко-

рейскими государствами. Пекин, являясь практическим единственным идеологическим союзником Северной Кореи, тем не менее, выступает с неких общих позиций пяти стран (США, Япония, Россия, КНР, Южная Корея) по вопросам «денуклеаризации» и др. на Корейском полуострове.

Наблюдается и эволюция позиции КНР по корейскому вопросу – в Пекине все более солидаризируются с мировым сообществом по большинству пунктов повестки «шестисторонних переговоров», осознавая «неуправляемость» нынешнего режима в КНДР. С одной стороны, это позволяет Пекину демонстрировать свой «ответственный» подход к международным делам, а с другой – развивать более тесные экономические и политические связи с Республикой Корея.

Острой проблемой остаются нерешенные территориальные споры в китайско-японских, российско-японских, китайско-вьетнамских, японо-южнокорейских отношениях вокруг принадлежности той или иной группы островов.

Понятно, что историческая основа претензий различна. Каждый спор имеет свою историю.

Дополнительную остроту китайско-японским и китайско-вьетнамским территориальным разногласиям придают некоторые сведения о наличии на шельфах спорных островов запасов углеводородов.

Экономические аспекты связаны с быстрым ростом Китая и увеличением ресурсно-экологических нагрузок на сопредельные территории стран АСЕАН (бассейн р. Меконг), российский Дальний Восток (бассейн р. Амур), Казахстан (бассейн р. Черный Иртыш) и др. Например, каскад ГЭС и каналов на р. Меконг, строительство которых начал Китай, кроме экономических вы-

год, несет серьезные экологические вызовы как отдельным странам Юго-Восточной Азии (Лаосу, Камбодже, Таиланду, Мьянме, Вьетнаму), так и южным провинциям Китая.

Возможности. Для ведущих стран региона (Японии, России, Южной Кореи) КНР становится чрезвычайно выгодным торговым и инвестиционным партнером.

Объем торговли Китая с Японией составил более 300 млрд долл. за 2010 г., а японских инвестиций в Китай – около 70 млрд долл. США.

Объем торговли со странами АСЕАН превысил 280 млрд долл.

1 января 2010 г. состоялась открытие зоны свободной торговли (ЗСТ) «Китай – АСЕАН», на создание которой потребовалось 8 лет. Это третья по экономической мощи зона свободной торговли в мире после ЕС и зоны свободной торговли Северной Америки.

После открытия ЗСТ таможенная пошлина между Китаем и странами АСЕАН снизилась с 9,8 % до 0,1 %. Более 7000 видов товаров будут освобождены от взимания таможенных пошлин, что составляет примерно 90 % от общего количества товаров в торговле между Китаем и АСЕАН.

Кроме того, данный проект предполагает расширение сотрудничества Китая со странами АСЕАН в сфере услуг и инвестиционных соглашений¹⁶.

Китайское правительство в период азиатского 1997–1998 гг. и нынешнего мирового кризисов не девальвировало юань и не развернуло товарную экспансию в данном регионе. Наоборот, оно предложило льготную финансовую помощь этим странам, что значительно подняло авторитет Китая на фоне грабительских «антикризисных» кредитов МВФ и других западных институтов государствам Юго-Восточной Азии. Внутри каждой из стран АСЕАН (особенно в Индонезии, Сингапуре, Таиланде и др.) действуют многочисленные и влиятельные китайские общины (хуацяо), которые также работают

на укрепление положительного имиджа своей главной родины.

Китай предлагает Японии усилить экономическую интеграцию в Восточной Азии, создавая Восточно-азиатское сообщество (ВАС). Причем и Пекин, и Токио согласны с тем, что в обоюдных интересах плавно уменьшать свою зависимость от рынков США. Стороны готовы объединить свои усилия для заключения соглашения о свободной торговле.

Китай продолжает продвигать и более ранний интеграционный проект КНР – РК – Япония, для создания китайско-японо-южнокорейской зоны свободной торговли. Данный проект со временем может стать серьезным конкурентом ЗСТ КНР – АСЕАН, учитывая экономические и технологические ресурсы и возможности сторон.

Развитие китайско-монгольских и российско-монгольских экономических связей мотивируется поступающей в КНР и Россию информацией о новых стратегических месторождениях медного концентрата, угля, серебра, золота и урана в Монголии (Таван – Толгой, Оую – Толгой и др.).

Конкуренция между российскими, китайскими, канадскими, американскими и японскими компаниями за право добычи и переработки природного сырья на монгольском рынке с каждым годом возрастает. Каким компаниям монгольское руководство отдаст предпочтение, – пока открытый вопрос. Россия предлагает монгольскому правительству построить железнодорожный

участок дороги от УБЖД до новых монгольских месторождений. Китай совместно с Россией и Монголией начал создание трансграничной экономической зоны на базе формально существующей российско-монгольской зоны свободной торговли («Алтанбулаг»).

Перспективы. После 2012 г. внешняя политика Китая в Восточной Азии скорее всего будет развиваться в условиях дальнейшего роста китайского экономического и политического влияния.

Регионы СВА и ЮВА останутся наиболее приоритетными для него из «ближнего окружения». Дальнейшая экономическая интеграция Тайваня в КНР, а также развитие региональных интеграционных проектов с АСЕАН, Японией и Южной Кореей позволят Китаю вплотную подойти к реализации проекта «Большого Китая» в Азии. Хотя контуры и содержание этого проекта сегодня до конца неясны, как и неясны все возможные риски для больших и малых стран региона.

Россия, исходя из собственных интересов, через энергетические, транспортные проекты и безопасность, а также используя возможности Владивостокской площадки АТЭС в 2012 г., имеет все возможности для расширения своего присутствия в регионе. Китай теоретически мог бы выступить «лоббистом» в продвижении российских интересов в Северо-Восточной и Юго-Восточной Азии. Насколько перспективной окажется такая российско-китайская связка в регионе покажет уже ближайшее будущее.

Китай в неформальной структуре БРИКС, или новая попытка создания «неамериканской» модели мира

Только что родившаяся неформальная структура БРИКС фактически демонстрирует прообраз модели многополюсного неамериканского мира. За

каждым участником – «свой» регион на четырех континентах, своя экономическая модель, своя стратегия развития.

Китай и Россия, создав в 2000-е годы неформальную структуру Россия – Индия – Китай (РИК), а затем расширив ее за счет бразильского (БРИК) и южно-африканского (БРИКС) компонентов, фактически презентовали международной общественности мини-модель многополюсного, неамериканского мира. При этом надо подчеркнуть, что БРИК в настоящее время выступает как неформальный финансово-экономический клуб, наращивание политической составляющей работы организации, очевидно, вопрос будущего.

«СРЕЗ» МИРА. Модель, на первый взгляд, выглядит искусственной и противоречивой. Но, собственно, таким и является наш мир – разорванный на куски из нищих и богатых стран, дающих и просящих, производящих технологии и поставляющих только сырье.

Получается, что БРИКС – это «срез» нашего мира, отражающий конгломератно-анклавную структуру современного общества, когда отдельные социальные группы в рамках одного государства и даже целые государства живут в разном социальном времени. Среди российских, западных и китайских ученых существуют различные, противоположные оценки проекта БРИКС. Говорят, например, что БРИКС – китайский проект и выгоден только ему, хотя Пекин это тщательно скрывает.

Другие эксперты видят в БРИКС проект «развивающегося мира», направленный исключительно против США¹⁷. Он уже начал «антиамериканскую революцию» принятием решения (Бразильский саммит 2010 г.) о расчетах в национальных валютах. Вторым этапом будет обрушение американского доллара и создание мировых (региональных) валют.

Создание БРИКС означает формирование новой мировой архитектуры,

отражающей реалии постбиполярного мира, утверждают некоторые эксперты.

И в этом есть резон.

Абсолютная несхожесть входящих в БРИКС стран по культурно-религиозным, общественно-политическим, экономическим характеристикам объективно делает эту структуру перспективной в плане формирования новых региональных и глобальных моделей будущего международного общения.

Упомянем и такую радикальную точку зрения: БРИКС – мертворожденная организация, некая «политическая тусовка», которая ничего не решает и ни на что не влияет. В отличие, скажем, от проекта РИК – Россия, Индия, Китай.

РИК: КЛЮЧЕВАЯ РОЛЬ «РОССИЙСКО-КИТАЙСКОЙ СВЯЗКИ». Треугольник «Россия – Индия – Китай» сконцентрирован на Центральной Азии и отчасти на Афганистане. ШОС, куда входят все три государства (Индия как наблюдатель), является неким инструментом безопасности Китая на данном направлении.

РИК для Китая, кроме экономической, транспортной и энергетической составляющих, важен с точки зрения поддержания безопасности на его западных границах как против «трех сил зла» (терроризм, экстремизм, сепаратизм), так и американского присутствия в Афганистане и Киргизстане (транспортно-логистический центр в Манасе). Кроме того, РИК важен как ограничитель традиционных китайско-индийских противоречий и территориальных споров с Индией.

Россия в рамках РИК сумела вывести давний (с начала 50-х годов) спор двух азиатских гигантов на уровень трехстороннего обсуждения, сняв напряженность между Пекином и Де-

ли. Можно говорить, что российско-китайская связка в политическом плане являлась и остается ключевой в проекте.

Видимые интересы Китая очевидны – это возможность развивать не-американскую модель мира, усиливая свои позиции, инициировать новые валютно-финансовые конструкции, направленные против всеислия доллара, поддерживать и продвигать часть бывшего «третьего мира» – традиционного союзника Китая.

Все это для КНР укладывается в рамки ее новой глобальной роли, повышения международной «ответственности» за судьбы мира.

БРИКС – «КИТАЙСКИЙ ПРОЕКТ»? Китайские эксперты считают, что РИК выполнил свою задачу. Сейчас актуален более масштабный и перспективный проект БРИКС. Но это не совсем так. Оба проекта могут развиваться параллельно, каждый из которых должен выполнять свои «специальные» функции и задачи.

В отличие от проекта РИК, здесь нет евразийской составляющей. Акцент делается на достаточно расплывчатых общемировых задачах:

- формирование «более справедливого миропорядка»;
- регулирование мировых финансовых рынков и плавный (поэтапный) выход из сложившегося долларového режима;
- реформирование МВФ и других институтов в интересах «новых развивающихся стран»;
- решение проблем энергетической безопасности и климатических изменений;
- обеспечение продовольственной безопасности и др.

В БРИКС Китай объективно выдвигается в качестве основного игрока.

Пекин, развивая отношения с ЮАР и Бразилией, усиливает свое присутствие в Африке и Латинской Америке.

С другой стороны, нельзя переоценивать потенциал БРИКС и роль китайского фактора в нем. Для проекта в целом, и для Китая в частности, остаются два сильных ограничителя.

Первый – «внешний» ограничитель в лице США, которые объективно сдерживают китайскую политику, направленную на расширение повестки дня БРИКС и его институционализацию. Существуют взаимные китайско-американские финансово-экономические обязательства.

США – реальный партнер Китая, рисковать которым ради неких виртуальных выгод в Пекине не хотят.

Второй – «внутренний» ограничитель в лице Индии.

ЧТО ВЫГОДНО РОССИИ? Проект БРИКС менее выгоден России, чем вариант РИК, который более четко ориентирован на отечественные региональные (евразийские) интересы.

Уже состоялись 9 официальных трехсторонних встреч руководителей МИД, создан диалоговый механизм, проведено два форума высших руководителей РИК, а также сотни встреч и практических переговоров министерств и ведомств.

Формат реально приобрел реальные очертания.

БРИКС же отводит России второстепенные, вспомогательные позиции в силу объективных экономических условий. Он вычеркивает из общей повестки проблематику Центральной Азии, ШОС, «энергетического клуба» Евразии, транспортные проекты и другие важные для России вопросы.

В России должны учитывать гипотетическую возможность превращения БРИКС в «китайский проект», в котором

бы китайский компонент полностью доминировал и превратился бы в один из инструментов создания «китайского мира».

Однако на Россию работают:

– невключенность БРИКС в систему западных институтов (НАТО, ЕС и др.);

– совпадение интересов пяти государств по ключевым вопросам мирового развития.

Поэтому у России есть серьезный шанс участвовать в создании новой модели мира как на региональном (через РИК, ШОС), так и на глобальном (БРИКС) уровне.

Примечания

- 1 Дэн Сяопин. Совершенствоваться в использовании момента для разрешения вопросов развития. Пекин, 2007. Т. 3. С. 363.
- 2 Ян Цзеци. Отстаивать международный мир, содействовать совместному развитию // «Цюши». № 19. 1.10.2009 // <http://theory.people.com.cn/GB/49169/49170/10154961.html>
- 3 Бэйцзин жибао. 06.04.2010 // http://www.hprc.org.cn/gsyj/yjdt/zd gz/201004/t20100406_45802_1.html
- 4 Цзинь Сидэ. Китаю необходима психология великой державы // Хуанцю жибао. 12.09.2002. С. 4.
- 5 Документы XVI Всекитайского съезда Коммунистической партии Китая (на рус. яз.). Пекин, 2002. С. 23.
- 6 Мамонов М. Стратегия профилактики «опасности» во внешней политике КНР // Международные процессы. Т. 5, № 3 (15). Сентябрь–декабрь. 2007.
- 7 Дай Бинго. Неуклонно идти по пути мирного развития // http://www.gov.cn/ldhd/2010-12/06/content_1760381.htm
- 8 Цуй Лижуй. Вероятность конфликтов Китая с миром выше, чем в прошлом // Хуанцю жибао. 22.07.2009 // <http://opinion.huanqiu.com/roll/2009-07/523024.html>
- 9 Синьхуа. 20.07.2009 // http://www.gov.cn/ldhd/2009-07/20/content_1370171.htm
- 10 Runningen R., Forsythe M. Hu Formally Welcomed to U.S. for Summit, CEO Meeting // Bloomberg Businessweek. 2011. January 19.
- 11 Хуан Хэ, Чжу Ши. О возможности «совместного господства» Китая и США // Современные международные отношения. 2008. № 2. С. 28–32.
- 12 China Daily. 27.02.2009 // http://www.chinadaily.com.cn/hqpl/2009-02/27/content_7518914.htm
- 13 http://news.xinhuanet.com/world/2009-03/14/content_11009192.htm
- 14 Лю Минфу. Размышления великой державы о постамериканском мире: китайская мечта. Пекин, 2010.
- 15 Ян Сюэцун. Направления развития мировой архитектоники и возможности для Китая // Современный Азиатско-Тихоокеанский регион. 2008. № 5.
- 16 http://news.xinhuanet.com/english/2010-01/01/content_12740470.htm
- 17 Todd B. Rise of BRIC, and the US' Desperate Move to Retain its Stranglehold. Mainstream. Vol XLVI. № 50 // <http://www.mainstreamweekly.net/article1072.html>; Halpin T. Brazil, Russia, India and China form bloc to challenge US dominance. The Times. 2009. June 17 // http://www.timesonline.co.uk/tol/news/world/us_and_americas/article6514737.ece